

КНИГА СОВПАДЕНИЙ

ЧУДЕСА НА ДОРОГЕ К БОГУ

Александр Казакевич

Александр Казакевич

**Книга совпадений. Чудеса
на дороге к Богу. Рассказы**

«Издательство Сретенского Монастыря»

2019

УДК 821.161.1-312.2Казакевич
ББК 84(2=411.2)6-444

Казакевич А. А.

Книга совпадений. Чудеса на дороге к Богу. Рассказы /
А. А. Казакевич — «Издательство Сретенского Монастыря», 2019

ISBN 978-5-7533-1499-4

В новую книгу Александра Казакевича вошли художественные рассказы о паломничествах в Грузию, в монастыри России, на Святую Землю. С паломниками все время происходят приключения, которые можно принять за художественный вымысел. Но благодаря этим чудесам, книга читается на одном дыхании, а совершающиеся чудеса напоминают читателю о Промысле Божиим в судьбе каждого человека. Кроме того, читатель узнает много нового и интересного о святых местах, и кого-то, может быть, эта книга подвигнет на первое в жизни паломничество. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.2Казакевич
ББК 84(2=411.2)6-444

ISBN 978-5-7533-1499-4

© Казакевич А. А., 2019
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2019

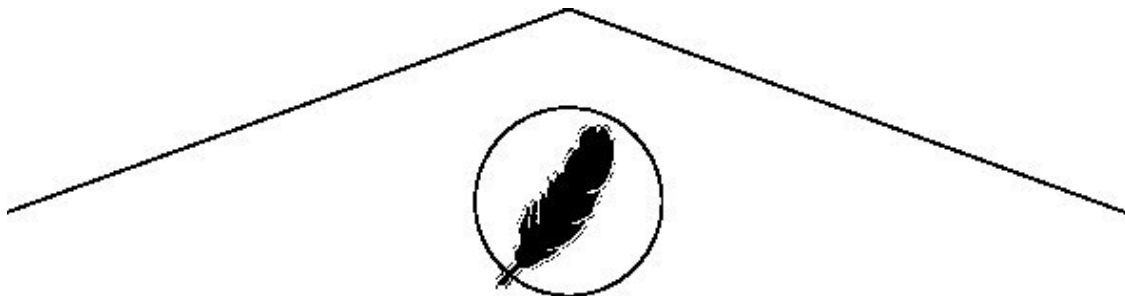
Содержание

Мокрая курица	6
Марфа, Мария и тетя Люся	12
Наследники святой Нины	17
Кризис жанра	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Казакевич
Книга совпадений. Чудеса на дороге к Богу

Когда я перестаю молиться, совпадения прекращаются.
Епископ Василий Родзянко

Мокрая курица

Меня уволили.

И все самые важные и счастливые события в моей жизни начались с этого.

Хотя в тот момент мне казалось, что это конец жизни.

Найти работу в кризис – невозможно. А у меня была хорошая работа.

Уволили по глупости, из-за спора с начальником. Я пытался ему объяснить, что с клиентами, партнерами, с любыми людьми надо поступать так, чтобы и в следующий раз им было не стыдно позвонить, посмотреть в глаза, просто поздороваться. Взволнованно, возможно, даже слишком эмоционально я доказывал:

– Как вы не понимаете? Сейчас мы их обманем, сыграем в нашу пользу, а вот уже завтра я не смогу им позвонить! Ведь отношения с клиентами должны быть не на один день!

Но начальник надувал щеки и брезгливо отвечал:

– Отношения с клиентами зависят не от тебя, а от меня. Я принимаю решение, какими эти отношения должны быть.

– В том-то и дело, что отношения выстраиваете вы, а отдуваемся мы! Сейчас же не девяностые! Нельзя быть равнодушным к тому, что ты делаешь. Нельзя взять и «кинуть» человека ради чего-то сиюминутного.

– А ты, значит, не равнодушный? Да?

– Не равнодушный! Да! И не бездарный!

Не знаю, почему я сказал ему это слово – «бездарный». Но, наверное, оно было самым точным. И мой босс это принял на свой счет. И именно из-за этого слова он решил меня, так сказать, ликвидировать.

– Я вот думаю, что ты слишком для нас талантливый. Что с такими талантами тебе в другом месте работу подыскать.

– Вы серьезно говорите об увольнении? – растерялся я. – Только потому что я хотел сохранить наших клиентов?

В ответ он молча нажал кнопку связи с секретаршей:

– Дорогуша! С сегодняшнего дня... как там его... как там тебя...

– Саша Рябов.

– Именно... Рябов Александр в отпуске, надо посмотреть, сколько у него осталось дней.

А потом увольняем. Подготовьте все документы. – И повернул свою щекастую голову в мою сторону: – Это быстрая процедура. Уволим прямо сегодня. Никуда не уходи.

Как обещали – так и поступили. Через полтора часа я уже был на улице. И всем, что со мной происходило, этот день доказывал, что он плохой. Возможно, самый плохой день в жизни: автомобиль, проезжая, сильно обрызгал водой из лужи. Здоровые мужики шли навстречу и мощно заделали плечом. Я прямо вжался в стену дома, а они даже не оглянулись. Из ведра проходящего мимо маляра на мои блестящие дорожные офисные ботинки вылилась то ли краска, то ли побелка. Я шел просто так. Вернее, я шел, как меня несли ноги. И от каждого шага мне становилось хуже и хуже. И вдруг я подумал, что тех самых клиентов, которых мое руководство собирается «кинуть», я должен предупредить. Я же сам их уговаривал на эту сделку, а теперь их обманут и в этом обмане будет моя вина тоже. Я достал из кармана телефон:

– Здравствуйте еще раз. Это Александр Рябов. Мы сегодня договаривались о сотрудничестве. Я хочу вам сказать, что в силу обстоятельств все отменяется. Мы просто поняли, что не сможем вам гарантировать тот результат, о котором говорили... Я понял. Простите.

На том конце провода человек сухо ответил. Было понятно, что он находится в недоумении. Я прошел несколько шагов и решил позвонить ему еще раз, выразиться немного яснее. Но телефона в кармане не было. Его украли. В течение этих нескольких шагов. Так обидно! Я посмотрел по сторонам: кто это сделал, непонятно. Все прохожие шли спокойно. Никто не убегал, не оглядывался, не пытался спрятаться за другими пешеходами.

А может быть, так и надо, когда начинаешь новую жизнь? Чтобы с нуля? Без работы, без телефона, без всяких завязок со старой жизнью.

И так нехотая пошел дождь. А впрочем, как могло быть иначе в мой самый худший день?

Пока дождь не разошелся, я уже буквально от порога своего дома повернул в продуктовый магазин. Хотя не понимал, что мне там нужно. Голова не работала. Просто не хотелось оставаться дома одному и гонять в мыслях все мои неприятности.

В магазине ко мне подошел здоровый похмельный мужик. Заглянул в мою почти пустую корзину:

– Что? Дорого все?

Я пожал плечами. Бреду дальше. Он опять появляется передо мной:

– Слышь! Выручи! Я так есть хочу, а денег вообще нет! Купи мне курицу! Курица ведь недорого стоит!

Я посмотрел на ценники. Жуть, не хотелось ничего покупать. Но тут закричала моя душа: «Вдруг человек голодает и просит тебя от отчаянья? Ты ему не поможешь и всю жизнь будешь об этом вспоминать!»

Я ему говорю:

– Подожди меня у выхода из магазина. Не ходи за мной.

Он ушел.

Я купил курицу, вынес.

– Спасибо!

– Пожалуйста.

Я еще не отошел от него на два шага, как он принялся предлагать эту курицу редким пешеходам:

– Слышь, мужик! Возьми курицу за полтинник!

– Эй, мать! Купи у меня курицу – за пятьдесят рублей отдам.

Я повернулся, хотел что-то сделать...

А что я буду делать? Вырву курицу? Дам по морде? Начну кричать?

В лицо бил дождь. Меня только что развели. Было обидно и противно. Мужик на мою фигуру не реагировал. Я для него не существовал. У него была своя задача.

Я вернулся домой. Посидел немного на кровати. Включил чайник. Пока заваривался чай, решил позвонить своей Кате. Мы в прошлый раз расстались как-то не то чтобы нехорошо, а слишком спокойно, почти равнодушно. Но все равно был шанс, что она сможет выслушать, поддержать. Может, приедет. Не тут-то было.

– Это я. Я с домашнего звоню. Потому что мобильный украли. Как ты? На меня так сегодня навалилось все. Может, увидимся? Расскажу. А то одному трудно. Не можешь или не хочешь? Стоит все закончить? Как же так, когда столько неприятностей? Именно в этот момент ты говоришь мне, что уходишь? Как же так?

Самый худший день.

Неподалеку от моего дома, минутах в пятнадцати ходьбы, стояла часовня. Я туда, признаться, никогда не заходил. Много лет я хожу в другой храм. А тут решил почему-то, что надо сюда. Я вошел туда тихо. Правда, плохо придержал массивные деревянные двери, и они закрылись с тяжелым грохотом. В часовне было несколько человек – все оглянулись на меня. Я растерянно прошел вперед. Там стоял батюшка в золотом облачении. Он взглянул на меня и все понял:

– Что? Замордовали тебя?

– Не то слово.

– Ищешь выход?

– Если он есть.

– Выход всегда есть. И для них, – кивает в сторону нескольких прихожан, – и для меня, и для тебя. Сегодня праздник особый. Никола Летний! День памяти святителя Николая. Он же Николай Угодник. Вот икона его. Ты подойди и попроси помощи.

– И все разрешится?

– Ну потрудиться еще бы не мешало.

– Как потрудиться? На что благословите?

– Возьми и сходи в крестный ход, например. Хоть на пару деньков. Их сейчас много. Вот какое объявление первое увидишь – туда и езжай. И отпустит тебя. «Отче наш»-то знаешь?

– Знаю.

– Без нее нельзя. А сейчас к иконе иди. Поговори со святителем Николаем о своем, о наболевшем. Поплачь, если хочешь. Здесь можно.

Мне не плакалось. И не говорилось. Я просто стоял и смотрел. Знаю же, что святитель Николай все сам видит и всем помогает. Было интересно, что изображение на образе похоже

на священника, с которым я только что говорил. Как будто с него писали. Потом я все-таки решился вымолвить два слова:

– Помоги мне!

И поцеловал руку на иконе. И, пятась, отошел. Посмотрел по сторонам – батюшки нигде не было видно. Под дождем поплелся домой. Жалко, что зонтик забыл взять. Ну я, если честно, и не думал ни про какие зонтики, когда выходил. Не до того было.

От моего подъезда отъезжала неотложка. Консьержка и еще несколько соседок что-то оживленно обсуждали. Я спросил, что случилось?

И Евгения Михайловна с восьмого этажа рассказывает, что пошла в тот самый магазин, где до этого был я. На улице к ней пристал насквозь промокший, трясущийся от холода алкаш, стал предлагать курицу «хотя бы за тридцать рублей». Она пыталась от него отделаться, тогда он вложил ей в руки эту курицу со словами:

– Бери, мать! Бери бесплатно.

И ушел.

Вот с этим приобретением она вернулась домой. А дома дочка Жанна ей выговаривает:

– Вот кто теперь эту курицу будет есть? Где ее твой алкаш взял? Может, она испортилась?

Дочь решила курицу выкинуть, а Евгения Михайловна не разрешает:

– Выкидывать продукты – грех! Даже алкаш не выкинул. Надо кому-нибудь другому отдать, если сами есть не будем.

Вот они стали думать, кому в доме нужна курица с сомнительной биографией. Поняли, что никому. Вроде бы все соседи – вполне благополучные люди. Принести вдруг кому-либо из соседок курицу, даже в вакуумной упаковке, – это странно.

Но на втором этаже живет Галина. Несмотря на возраст, она всегда ярко одевается и похожа на Жанну Агузарову в глубокой старости. А денег у нее нет ни копейки. И кто чем может ей помогают.

Понесли курицу Галине. Дверь у нее никогда не заперта. Постучались – молчит. Толкнули дверь – отворилась. Позвали. Галина не отвечает. Прошли в квартиру – нашли ее на полу. Вызвали «скорую». Перед уходом, унося на носилках Галину, врачи говорят:

– Если бы мы приехали хоть на несколько минут позже, то не было бы этой женщины в живых. Мы успели в последний момент.

Евгения Михайловна подчеркнула:

– Вот с виду простая птица! А спасла жизнь человеку!

И показала курицу, которую до этого я купил алкашу.

– Вам не надо? – спросила она меня с предельной искренностью.

Я безмолвно смотрел на всех моих соседок.

– Мама! Ну что ты позоришь нас! Перед человеком неудобно! – заверещала ее дочь Жанна.

Я прошел мимо них к себе домой. Включил компьютер. Набил на клавиатуре «крестный ход». И на экране появился огромный список. Первым в списке был крестный ход святой Нины в Грузии.

И он начинался через три дня.

Вначале я растерялся. А потом подумал: «А что я теряю?»

И прямо сразу же через компьютер заказал себе билет на самолет до Тбилиси. И лег на кровать. Слушал тишину и радовался, что во мне всякие бури утихли, что появилась какая-то цель. И эта цель хорошая.

А в это время у моих соседок, как потом выяснилось, продолжали бушевать страсти.

У Евгении Михайловны с дочкой опять раздор: куда девать курицу?

Дочь предлагает выкинуть. Мать – отдать бомжам на улице.

Они оделись и, несмотря на дождь, пошли искать бомжей. Не нашли. Исходили половину района. Дошли до метро. Нет бомжей. Недалеко от метро есть часовня. Решили отнести курицу туда. Тем более рейтинги у курицы высокие: она жизнь человеку спасла. Пусть ее съедят приличные люди.

Вернулись они довольные, но мокрые, хотя уходили с зонтом. Рассказывают консьержке, что рядом с часовней на лавочке под проливным дождем сидел благообразный старичок с собакой. Вот они ему курицу и подарили. Он своей собаке показывает курицу и говорит:

– Представляешь, Кукуруза (это ее кличка)! Нам на праздник Господь подарок прислал!

Евгения Михайловна с дочкой уже от него отходили. Но ведь когда делаешь добро – это засасывает, хочется делать еще и еще. Поэтому дочь вернулась и подарила старичку свой зонт. Вот почему они возвратились мокрые. И из-за этой несчастной курицы чуть не заболели. Хорошо, что у консьержки был коньячок.

Я понял, что в магазине, от расстройства и еще сбитый с толку алкоголиком, для себя поесть ничего не купил. Оделся, взял зонт, засунул в карман пакет и несколько купюр и спустился вниз. На первом этаже от раскрасневшейся, повеселевшей и разговорчивой консьержки всю эту историю узнал. И выдвинул свою версию, почему вся эта канитель с курицей так хорошо закончилась.

– Наступает же день памяти Николая Угодника, – сказал я ей. – Вот он соседку нашу Галину и спас. И он же подарок старику прислал! А может, этот старик и был святитель Николай!

Консьержка возбужденно закивала, и я радостный вернулся домой. И только там понял, что на улицу снова так и не вышел, что продукты нужны, а ничего нет. Ну, решил, что сегодня не судьба. Поужинаю сладким чаем с сухариками.

А на следующий день, в воскресенье, я снова пришел в магазин. И стоит этот самый алкаш. У меня на него обиды уже никакой нет. Наоборот! Это такой урок: даже когда тебя обманывают, оказывается, это может помочь другим!!!

Алкаш меня узнает. Я спрашиваю:

– Чего мою курицу отдал?

– А откуда ты знаешь?

– Я все знаю!

– А что мне с ней делать?

– Мог бы съесть!

– Да что ты! У меня вчера такое похмелье было, что мне как-то о еде мысль в голову не пришла. Зато сегодня я бы поел. Все утро о бульончике из той курицы думаю. Дурак я! Взял и отдал. Может, ты купишь мне другую курицу, а то внутри все сводит!

Я прямо растерялся! А душа кричит: «Вот что было бы, если бы ты вчера ему отказал? Посмотри, сколько всего хорошего благодаря ему произошло!!! Купи ему курицу!»

– Ну ладно! Иди к кассе, я сейчас.

Он уходит, но, уже отдаляясь от меня, разворачивает голову и бросает мне с улыбкой:

– И еще сто пятьдесят грамм бы хорошо к бульончику!

А затем, уже от касс, цитируя «Бриллиантовую руку», кричит на весь магазин голосом, похожим на голос Андрея Миронова:

– Федя! Еще сто пятьдесят грамм шампанского – и все! – И начинает гулко смеяться.

И все в магазине засмеялись. И три-четыре человека покупателей, и две кассирши.

Ну и я, конечно.

А после магазина думаю: надо пойти к часовне, посмотреть на того старичка, который сидел с собакой. Вдруг я его увижу.

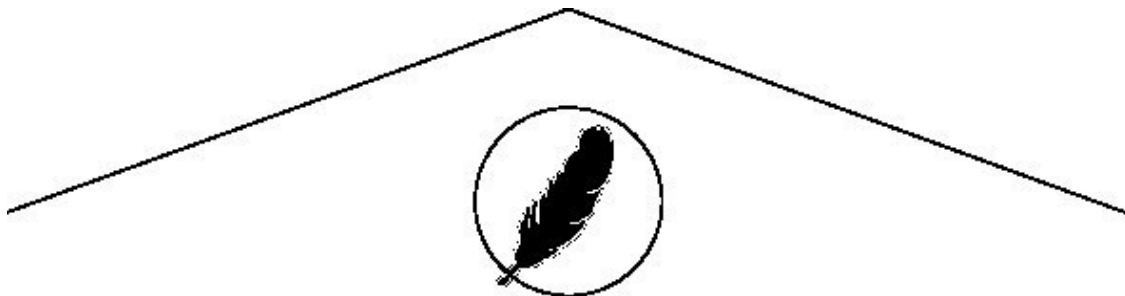
Не знаю, почему-то мне это было важно сделать.

Утром день был пасмурный, а теперь сияло солнышко. Прогуляться было – чистое здорье. Старичок сидел у часовни. Он и правда был невероятно благообразный, светлый. Такой же светлый, как батюшка из часовни. Я даже подумал, не один ли это человек. Он сидел не там, где нищие, а чуть поодаль, на лавочке. Словно шел по улице и просто решил передохнуть. Рядом лежала его собака.

Старичок смотрел на прохожих и улыбался.

Марфа, Мария и тетя Люся

Улетать в Грузию мне надо было в понедельник. А в воскресенье я поехал в свой храм на службу. У нас на исповедь всегда много народа, всегда очередь. Сколько священников – столько и очередей. Но все очереди разные. К кому надо стоять почти всю службу, к кому – пять-шесть человек, вот и все. И был у нас батюшка, к которому почти никто не шел. Не знаю почему.

Он выглядел этаким заморышем. Худой, на голове три свисающие волосинки, хотя по годам, наверное, лет на десять моложе меня. Все время покашливал. В грехах не копался. Выслушает, разрешительную молитву прочитает – следующий! И у него, у отца Иннокентия, людей почти никогда совсем не было. У всех очереди, а у него – нет. Мне казалось это несправедливым. Я все представлял, как отец Иннокентий сокрушается, что прихожане его обходят стороной. Поэтому я, как правило, становился к нему. Никаких с ним личных взаимоотношений, как это бывает, когда долго исповедуешься одному и тому же священнику, у нас не завязалось. Да мы и не делали попыток. Но на душе после исповеди отцу Иннокентию мне становилось спокойно: вроде как и я доброе дело сделал. И вот однажды, перед поездкой в Грузию, я подошел попросить у него благословения. А он вдруг стал расспрашивать: что я там буду делать? где побываю? сколько дней? когда вернусь?

Я рассказал, что еду на крестный ход святой Нины, который начинается каждый год 1 июня и идет 42 дня. Ну, конечно, на полтора месяца меня не хватит, но пять дней, а то и неделю я там пробуду.

– Вы знаете, – вдруг несколько просветлел отец Иннокентий, – я ведь всю жизнь мечтал там побывать, приложиться к мощам святой Нины, пройти тем путем, которым она шла. Но вот не довелось. Я очень люблю эту святую, преклоняюсь перед ее подвигом. Если вам будет нетрудно, сделайте мне одно одолжение: привезите мне оттуда четки. Самые простые. Только освятите их на мощах. Для меня это очень важно.

– Ну, конечно, батюшка! – поторопился ответить я. – Мне не составит труда выполнить вашу просьбу. Я с радостью сделаю это.

– Я буду ждать, – сказал батюшка и резко закашлялся.

Из-за кашля наш разговор оборвался, и батюшка скрылся в алтаре.

В понедельник я открыл глаза и понял, что проспал. Был почти полдень. Невероятно! Ведь я никогда столько не сплю. Но маленький шанс успеть на самолет все-таки оставался.

Такси заказать почему-то не получалось, и я выскочил на дорогу, чтобы остановить частника. В панике я выбежал практически на середину шоссе и махал руками машинам, движущимся в оба направления. Вероятно, моя внутренняя истерика со стороны хорошо ощущалась и отпугивала водителей. Но вдруг рядом со мной по правую руку притормозили дешевенькие отечественные «жигули» баклажанного цвета. Харизматичная дама лет семидесяти пяти. Элегантная прическа, хриплый низкий голос. Сигарета в зубах. Когда я нервничаю, я обычно

напряженно молчу. А даме хотелось поговорить. Чтобы она меня не высадила, мне пришлось ей иногда поддакивать, поддерживая беседу.

– Знаете, – говорит мне женщина-водитель, – мне много лет. И до сегодняшнего дня у меня было одно правило: никогда не брать пассажиров.

Вот и сегодня я должна была отвезти посылку на вокзал, отправить сестре в Воронеж московских конфет. У нее день рождения, и у нас так заведено: по праздникам мы через проводниц друг другу какой-нибудь подарок обязательно отправляем. А живу я за городом, далеко! Семьдесят с лишним километров от Москвы! У меня по Новой Риге в деревушке крошечный домик. Почти сарайчик. Выхала я пораньше. Еду и ругаю себя: зачем так рано? Даже кофе не попила! Куда спешить? Ветрище, дождь стеной, серость, сырость... Фу! Под колесами жижя, вот-вот застряну! А еще почему-то свернула на ту дорогу, по которой никогда не езжу. И где-то за километр до поворота на Ригу какая-то тетка стоит. Обычная тетка в платке. Марфуша такая. Промокла вся. Сумки у нее две огромные прямо в грязи. Просто стоит. Даже не голосует. И в фигуре такое напряжение, как у тебя сегодня было, когда ты метался, чтоб машину остановить. Но ты хоть признаки жизни подавал! А она тихо ждала. Я уже проехала мимо, но что-то меня заставило вернуться. Подъезжаю, стекло опускаю, а она плачет. Слезы ведь от капель дождя отличаются. Когда тебе много лет, как мне, ты слезы ни с чем не перепутаешь. Даже в ливень. И вот я ей говорю: «Садитесь».

И это, представляешь, первый раз в моей жизни, чтоб я незнакомого человека в свою ласточку пустила. Мало того, вышла под этот ливень с промозглым ветром и помогла ей

неподъемные сумки в багажник поставить. А она только хлопает! Говорю ей: «Не реви! Слышишь, не реви! Куда тебя везти-то?»

А она еще больше хлопает. Потом выдавливает из себя: на Ленинградский! Ну, хоть здесь повезло: я как раз туда и еду. На площадь трех вокзалов. Едем, моя Марфуша потихоньку успокаивается, хлопать перестает, в кресле удобнее устраивается... Успокаивается, короче. Чуть погодя тихим-тихим голосом заговорила. О том, что ее сестра десять лет живет в Иерусалиме, в монастыре. И столько же они не виделись, потому что сестра приехать не может, а у нее загранпаспорта нет. А вчера поздно вечером эта иерусалимская сестра позвонила и сообщила, что будет проездом через Москву с делегацией. Что они из аэропорта поедут сразу на вокзал, а оттуда куда-то в глубь России. И вот до полночи эта Марфа пекла сестре и всей делегации пирожки, а вторые полночи с двумя сумками пирожков пыталась добраться до вокзала! И это в такую непогоду! Кто подбросит, кто проедет мимо, где сама свои сумки протащит. Но потихоньку она начала понимать, что на вокзал к сестре может не успеть. А я думаю: бывают же совпадения! Она на вокзал, и я на вокзал! Она к сестре, и я сестре везу подарок! «Что ж ты, дорогая, просто встала и решила порыдать вволю? – спрашиваю ее. – Я же проезжала мимо – ты даже рукой не махнула!»

«Слезы сами текли от отчаянья, – отвечает. – А я сколько стояла – молилась. Молилась Матушке Богородице, чтобы Она помогла. Больше мне уповать было не на кого. И сил уже ни на что не было. Я же всю ночь руками махала, как птица. Сколько мимо меня всех проехало! Редко-редко кто останавливался! А как останавливались, то или в другую сторону едут, или на соседней улице живут и уже приехали. Или денег просили. А деньги я, если честно, вообще не взяла. Спихватилась уже, когда сумки через всю деревню поволокла на дорогу. Совсем из головы выпало». – И так опасно на меня посмотрела.

«Не бойся! – успокаиваю я ее. – Я сама туда еду, на площадь трех вокзалов, так что мне деньги от тебя не нужны. Вот успеть бы нам только. А то в Москве как дождь, так пробки стоят аж до Питера». – «До Питера?» – испугалась тетка. «Это я образно... Шучу я так, короче!»

– И вот мы летим, – рассказывает дальше Люся, – летим как можем. Приехали к вокзалу минут за двадцать до отправления поезда. А поезд еще надо найти! А вагон она не помнит! А номера мобильного сестры у нее нет! А машину поставить негде!

И вот мы несемся с сумками по перрону! Бегу и ругаю себя: вот всегда ты найдешь приключение! Ехала бы спокойно со своими конфетами. Так нет, угораздило теперь пирожки для какой-то монахини таскать! И вдруг мы их увидели. И сразу поняли – это те, кого мы ищем! Около одного из вагонов все пассажиры на перроне в черном – монахи, значит, ну или священники, церковные, короче. Моя тетка в эту толпу – нырк! И через какое-то время выныривает вместе с сестрой. А сестра у нее, оказывается, в инвалидной коляске. И вот они обе плакать-обниматься-целоваться. А я стою с пирожками и сама реву почему-то. И вдруг ее сестра говорит: «А это твои сумки? Ты небось своих пирогов опять напекла с капустой, яблоками, с рыбкой!» – «Напекла! Аж две сумки!» – «Так давай, открывай сумки! Мы же все голодные! В аэропорту поесть не успели, сразу сюда! А здесь тоже никуда не уйдешь, потому что поезд вот-вот тронется. – И ко мне обращается: — Матушка, будь добра, помоги пирожки раздать».

И знаешь, дорогой, я такого не видела: перед перроном полно церковных людей в черном и все пирожки жуют. И все счастливы. Даже дождь в этот момент закончился. И радуга на небе появилась. Такая огромная радуга. Я потом присмотрелась, а она двойная: рядом еще полукруг, только побледнее.

А мне радостно-радостно. И хорошо, что пирожков было много. Минут через десять посадку объявили, там еще половина сумки оставалось. Ну, если честно, я эту половинку сумки утаила немного, чтобы сестре моей пассажирки тоже досталось. А то пока они обнимались, так и не поели ничего. Хорошо, что я мою Марфушу успела привезти. Эта в инвалидной коляске впервые из своего монастыря вылетела, и то потому, что делегация собралась. Было у них

счастливых десять-пятнадцать минут, а вспоминать эти минуты они будут, может, до конца жизни.

А когда мы Марфушину сестру в купе на коляске откатали, она кричит напоследок: «Как тебя звать? В молитвах помяну!» А мне неудобно, чтоб меня в молитвах поминала монахиня из Иерусалима. Я вроде как говорю: «Не надо! Спасибо!» А она как рявкнет: «Ну-ка, давай имя свое скажи!» И оно само у меня вырвалось: «Люся... Людмила».

А эта тетка, которую я на дороге подобрала и которую про себя Марфушей назвала, так она Марфой и оказалась! Представляешь?

– А монахиня Марией?

– А ты откуда знаешь? – удивилась Люся.

– Так Марфа и Мария – они всегда вместе ходят. Иначе редко бывает.

– Правда? Не знала! Ну, короче, я своей Марфе билет купила, посадила ее на электричку на соседнем вокзале. Обнялись. Она повеселела и счастливая поехала домой.

А я еще конфеты уже для своей сестры передавала с Казанского вокзала. Мы тоже давно не виделись. Ну, не десять лет, конечно... А может, и десять... Ой, мамочки! Она ж не в Израиле живет, а здесь, в Воронеже! Десять лет! Что ж я конфеты все передаю? Так можно до конца жизни сестру не увидеть! Сейчас тебя отвезу, съезжу домой, соберу вещи и завтрашним поездом махну к ней на день рождения! Это же получше всяких конфет будет!

И засмеялась она на всю машину своим низким голосом. И глаза у нее загорелись!

– Ох, Марфуша! Надоумила! Ох, ты моя дорогая! Как хорошо, что ты мне встретишься! И когда я это для себя решила, как-то спокойно на душе стало, хорошо... И тут я поняла, что мне есть очень хочется. Смотрю: на сиденье два пирожка лежат. Марфуша моя позаботилась. Вку-у-у-усные! Сил нет. Съела их, так радостно мне стало. Еду, смотрю – ты посередине дороги стоишь и на машины бросаешься. Как же я теперь мимо проеду?

И вдруг она ошарашенно посмотрела на меня и, медленно произнося слова, поделилась неожиданной догадкой:

– Это ж не я сама все сделала! Это Марфа молилась, а меня оттуда, с неба, направили ей помочь! Представляешь? Мне же раньше в голову такое не приходило! Когда у меня несчастья какие-то случались, беды, я тоже просила Бога мне помочь. Но я представляла это так: Бог наверху услышит мою молитву и оттуда сверху раз – и поможет! Бог или Его ангелы! Чудесным образом! А теперь мне понятно: когда Он помогает, то может действовать через других людей. Вот помолилась моя Марфуша Богородице, Она посмотрела сверху, выбрала в качестве помощницы меня. Мне как раз в Москву было нужно, на вокзал. Правда, гораздо позднее, чем я поехала! Вот Она меня разбудила ни свет ни заря, да за ворота без кофе и без завтрака! А я все думала: что за помрачение на меня нашло? А потом Богородица направила меня по другой дороге, по которой я никогда не езжу, потому что там Марфуша стояла и молилась! И я впервые в жизни нарушила свои правила относительно пассажиров! И Марфушу к себе посадила, и на вокзале ей помогла! И билет обратный купить на электричку! Вот дела! Ну и ну! Нет, к сестре поеду обязательно! – закончила Люся свою речь неожиданным выводом.

– А может, это ваша сестра помолилась, чтобы вы к ней поехали наконец-то? – поделился я своими соображениями.

– Ой, и правда, – вскрикнула тетя Люся, – она же у меня верующая, – точно помолилась, и вот смотри, какая движуха организовалась! Надо ехать! Непременно, срочно надо ехать!

Баклажанная Люсина ласточка неслась по мокрым московским дорогам. Я все поглядывал на часы, и мне становилось спокойнее: вроде бы успеваю. Позвонил своему грузинскому приятелю Русику, спросил, может ли он мне помочь добраться туда, откуда начинается крестный ход. Русик обрадовался так искренне, как это умеют делать только грузины:

– Как хорошо, друг, что ты позвонил! Это такая радость! Сколько лет прошло!

– Да я еще несколько дней назад никуда не собирался. Но так получилось. Я тебя не хотел отрывать от дел! Думал, сам доберусь на этот крестный ход святой Нины. Ты про него слышал?

– Конечно, слышал! Про него вся Грузия знает! Он самый знаменитый у нас! Ну как бы ты добрался сам? Это Джавахетское нагорье, озеро Паравани. На вершинах гор. Граница с Турцией!

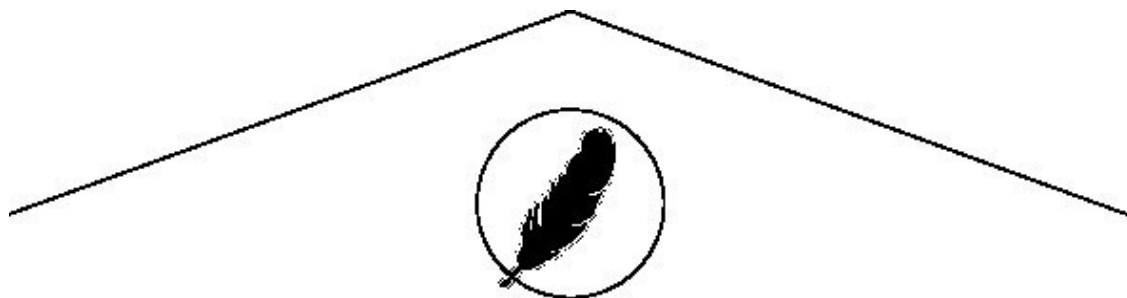
– Я должен быть там сегодня вечером.

Старенькие «жигули» демонстрировали чудеса маневрирования и невероятную ретивость.

И как ни странно, мы успели. К стойке регистрации меня пропустили без очереди, потому что на Тбилиси уже все прошли. Сумку в багаж я не сдавал и прямо с ней влетел в салон самолета. И только тогда отдышался. Что такое крестный ход, я не знал.

Наследники святой Нины

Я прилетел в Тбилиси 31 мая. Русик тут же запихнул меня в машину, но, конечно, мы сразу никуда не поехали. Он повез меня угощать:

– Мы сегодня там будем вовремя! А сейчас мы едем обедать в тако-о-ое место! Все, что в Грузии любят, там есть: и хачапури, и хинкали! Но главное: там обалде-е-енная курица. Такой курицы ты больше нигде не попробуешь.

Я подумал про себя: «Опять курица!»

Отобедав так, что стало трудно даже разговаривать, мы поехали в Джавахетское нагорье, к грузинскому озеру Паравани. Озеро очень красивое, большое, но холодное, потому что расположено на двух тысячах семидесяти четырех метрах над уровнем моря. С вечера 31 мая на его пустынные берега съезжаются паломники.

Со своими друзьями я договорился так: поскольку им надо возвращаться в Тбилиси, они оставят меня вместе с другими паломниками, я один или два дня пойду крестным ходом, а потом, когда я решу, что могу возвращаться, мы созвонимся, и они меня заберут. Мы вышли из машины, и Русик в восхищении качал головой:

– Какая ночь! Космос! Звезды совсем близко!

– Я не верю, что все это происходит со мной.

Моя голова кружилась от космоса, который открылся передо мной в темном звездном небе.

Чтобы не замерзнуть на берегу холодного озера, паломники ночью жгут огромные костры, проводят время фактически без сна, в неторопливых разговорах.

Мы с Русиком подошли к ним. Русик заговорил по-грузински:

– Здравствуйте, это мой друг из России. Его зовут Саша. Он тоже собирается идти с вами крестным ходом святой Нины. Вы же не будете против?

Старый грузин у костра ответил ему:

– Как мы можем быть против? А этот русский парень пойдет с нами до конца? Вы пойдете вместе?

– Нет! Он пойдет один. Я помог ему приехать, но я завтра работаю. Поэтому я хочу оставить вам его, попрощаться и уехать в Тбилиси.

– Вы в Тбилиси только к утру доедете!

Мой друг обратился ко мне:

– Ты можешь садиться здесь у любого костра. Люди постарше помнят русский язык. А вот молодежь русского не знает. Зато, как правило, хорошо говорят по-английски. Давай! Храни тебя Бог.

Он обнял меня, поцеловал и помчался к своей машине. Старый грузин начал расспрашивать:

– А откуда вы узнали о нашем крестном ходе?

Это меня отвлекло. Я только начал отвечать и осекся:

– Из интернета! Я просто должен был найти крестный ход, который был ближе всего по датам... Ой!

– Что случилось? – удивленно посмотрел на меня грузин.

– Мой друг уехал с моими вещами.

– Вы позвоните ему!

– Телефон тоже остался там!

– Мы дадим вам телефон.

– Это грузинский номер! Я его не помню!

– Сейчас вам не надо ни о чем волноваться. Назад вы вернуться не сможете. Просто оставайтесь с нами. Бог все устроит.

В этой сумке было все: теплые вещи, деньги, паспорт. Она стояла в багажнике машины. А теперь я не понимал, как я скажу Русуку, что готов вернуться в Тбилиси? Как расскажу, в какой точке Грузии сейчас нахожусь? Но как только я начинал об этом размышлять, во мне поселялась паника. Поэтому я по совету грузина предпочел об этой проблеме по возможности вообще не думать. И присел у костра. Когда остальным рассказали, что я из России, сидящие рядом люди начали для меня тихонько переводить свой разговор. Они вспоминали житие святой Нины. По очереди, продолжая рассказ друг друга, они поведали то, что в Грузии знает каждый школьник: как 1 июня вот в такую же холодную ночь на грузинскую землю шагнула юная Нина, как она увидела вдалеке костры пастухов. Она была одна. Она не знала языка. Ей было страшно. Ей было всего 14 лет.

Пастухи помогли ей согреться, накормили и подсказали нужную дорогу. 14-летняя девушка пришла сюда из Иерусалима, пришла, потому что именно в Грузию, в город Мцхета после казни Иисуса Христа попал Хитон Спасителя – Его одеяние, которое, по преданию, соткала Своему Сыну Дева Мария. Перед путешествием Богородица явилась будущей святой во сне, благословила ее на этот путь и подарила ей крест странной изогнутой формы, сделанный из виноградной лозы.

Озеро Паравани впечатляет всех, кто сюда приезжает. И, конечно, никто не мог сказать точно, где на его бесконечных берегах произошла знаменательная встреча святой Нины с пастухами. Но когда молчат факты, говорит сердце. В 1988 году сюда приехал патриарх Грузии Илия Второй. Он шел по бесконечному берегу этого горного озера. И неожиданно указал своим спутникам нужное место: все происходило здесь!

За разговором наступило долгожданное для меня время трапезы. Прямо на кострах, в котелках, варились какие-то овощные грузинские блюда. И с фасолью, и с перцем, и с помидорами, и с баклажанами. Монахини расположенного поблизости монастыря святой Нины принесли сыр, который сами делают в сыроварне обители, ароматный хлеб и мед с собственной пасеки.

И все равно после полуночи горный климат дал себя знать. Я с тоской вспоминал о теплом свитере, который сейчас радостно мчался в моей сумке в Тбилиси.

За костром мы перезнакомились. Было много православной грузинской молодежи. Кто-то шел в первый раз, но были ребята, которые отправлялись в этот сорокадвухдневный поход в третий, четвертый и даже пятый раз.

Действительно, молодые грузины русского языка не знали. Некоторые могли объясняться на английском. А нам переводили люди за пятьдесят и старше – это поколение, которое еще не разучилось говорить по-русски.

Я стал расспрашивать, ради чего каждый из них идет в крестный ход. К моему удивлению, большинство отправились в это паломничество не ради своих желаний. Они шли с молитвой за свою страну и за всех, кто здесь живет. Сначала о цели похода я спросил молодого студента, который все время следил, чтобы я не остался голодным, чтобы мне не забыли дать овощного

рагу из котелка, а также сыр, хлеб и мед. Он начал горячо рассказывать о том, что Грузия много страдала в последние годы, и он идет молиться, чтобы ее раны зажили.

У костра были грузинки, которых, как и святую, звали Нинами. В Грузии это одно из самых распространенных имен, и, конечно, каждая мечтает пройти путем своей святой покровительницы. Рядом со мной сидела нежная, трогательная девушка, которая рассказала мне, как целый год, работая в частной аптеке, не брала выходные, чтобы скопить сорок два дня для этого путешествия. А ведь она еще и учится в университете на эколога.

– О чем вы будете просить? – поинтересовался я.

– У меня нет особенной просьбы. Я иду молиться за всех близких, за свою семью. Я очень хочу, чтобы святая Нина покрывала всю Грузию и всех людей своей благодатью.

А еще одна Нина (она сидела у костра вместе с мужем) рассказала мне такую историю:

– За это имя я благодарю Бога с самого рождения. Два года назад мы повенчались с мужем. Тогда и решили, что пойдем этим крестным ходом. Мы даже приехали сюда сразу после венчания. Но тогда показалось, что это нам не по силам. А в этот год все-таки решились. Понимаете, мне сорок пять лет. Возраст большой, а детей нет. Я иду, прошу святую Нину помочь мне родить ребенка.

У костров мне рассказали, что Хитон Спасителя, поклониться которому шла святая, находился неподалеку от царского дворца в старинном грузинском городе Мцхета. И теперь там, где соединяются Арагва и Кура, заканчивается крестный ход.

Правда, даже дотронуться до Хитона святая Нина не смогла: достать его было невозможно – он был зарыт в земле, а на этом месте вырос огромный кедр. Святая решила, что просто останется поблизости. Нашла себе приют под густым кустом ежевики, которой были усеяны эти склоны.

Желание Нины поклониться Хитону Спасителя исполнилось, но совсем не так, как она когда-то себе представляла: на месте захоронения Хитона народ древней Иверии, потрясенный подвигом святой Нины и ее верой, установил первый христианский храм Грузии. При ее жизни!

Когда казалось, что цель многолетнего миссионерства святой Ниной успешно достигнута, она вдруг покидает Мцхету и идет проповедовать дальше – в Кахетию. Там, где она нашла свое последнее пристанище, теперь построен удивительный, благоухающий розами Бодбийский монастырь. И как в IV веке, по-прежнему к святой Нине приезжают паломники со всего мира и получают утешение и исцеление от недугов. Это место почиталось всегда. А в XIX веке сюда приезжал российский император Александр III. И это он попросил, чтобы здесь построили женскую обитель для монахинь из России. В 1924 году Бодбийский монастырь был закрыт. Казалось, что навсегда. В 1991 году, когда его было решено восстановить, здесь были одни руины. Но за последние несколько лет монастырь удалось возродить.

И я должен был во что бы то ни стало попасть в этот монастырь, чтобы привезти оттуда благословившему меня в Москве священнику отцу Иннокентию четки, освященные на мощах святой Нины.

Одна женщина меня спросила:

– А вы слышали, что в России есть много разных крестных ходов? Но один из них невероятный. Туда идет сразу сто тысяч человек. Люди идут шесть дней по очень плохим дорогам – в любую погоду, даже в снег. Крестный ход посвящен святителю Николаю. Его чудотворную икону уже шесть столетий каждый год возвращают туда, где когда-то нашли. И этот крестный ход не прекращался даже при советской власти, несмотря на запреты и аресты.

– Первый раз слышу. А когда он начинается? – удивился я.

– Примерно как и наш. В самом начале июня.

Когда это перевели молодой красивой грузинке, она вздохнула:

– Может быть, Господь когда-нибудь даст мне попасть на этот русский крестный ход. Как он называется?

– Великорецкий. В честь реки Великой.

Мы так и не заснули до рассвета. А утром было уже не до сна. 1 июня на берегу озера Паравани, прямо под открытым небом, служится Божественная литургия. На нее приезжают не только будущие крестоходцы. Вся Грузия собирается здесь в этот день. Молитвы разливаются по берегу и словно птицы летят над холодными водами горного озера. А потом начинается крестный ход.

Но почему-то большинство приехавших на праздник не торопились в путь, а всех крестоходцев можно было запросто пересчитать, и получались очень скромные цифры – человек двадцать.

Двадцать человек на всю Грузию!

По дороге я попытался разобраться в этом и во время первого привала просто одолел паломников своими расспросами. Они мне рассказали, что сейчас во всех учебных заведениях Грузии экзамены и выпускные, но как только они закончатся, паломников будет гораздо больше! Они начнут присоединяться к крестному ходу, и число людей будет увеличиваться каждый день. А кроме того, многие идут не с крестным ходом, а сами по себе: ведь святая Нина тоже шла одна! В конце пути тем, кто шел в одиночку, подарят серебряное колечко, которое обычно надевают на паломнический крест. Я видел крестоходцев, которые несли в руках свои кресты, а на них было четыре и даже пять колечек – столько раз они преодолели этот путь самостоятельно.

А ту самую студентку Нину, которая весь год собирала отгулы на это паломничество, поставили во главе колонны. Ей дали самый большой крест, и теперь она определяла темп, ритм движения хода. Я видел, сколько смятения было в ее душе! Во время ночных разгово-

ров через наших импровизированных переводчиков она горячо пыталась мне объяснить, как страшно было одной отправляться в путь длиной почти полтора месяца! Но того, что она пойдет самой первой, студентка Нина, конечно, не ожидала!

Я встал в конце колонны. Самым последним. Ну а что мне лезть вперед? Эти люди будут идти сорок два дня. А я завтра, скорее всего, уеду! Хотя, впрочем, как я уеду? Никакой связи с моими друзьями нет. Надеюсь, они просто догадаются, что меня надо забрать. Интересно, как они найдут на дорогах Грузии меня и крестный ход? И еще: скорость, с которой мы шли, мне казалась невероятно медленной! Ну разве можно так ползти! Эх, студентка Нина! Ну что же ты как черепаха! Прибавь шагу!

Но Нина шла как шла, и не мне было ее подгонять.

Казалось, прошло только полчаса, а крестный ход уже расположился на привал. Все паломники тут же зашуршали своими пакетами с едой. Все, кроме меня. Мне шуршать было нечем, и я просто прогуливался по лесочку, где мы остановились.

А есть хотелось – сил нет!

Тут ко мне подошел паренек, с которым мы общались у костров. Тариэл из деревни Палана, недалеко от Боржоми. Тариэл протянул мне кусок грузинского хлеба и огромный помидор. Это было спасение! Внутренний ропот на себя и на свою забывчивость во мне приумолк, и мне стало гораздо легче смотреть на великолепные грузинские пейзажи. Пригревало солнышко, мой организм вспомнил, что ночью я не спал. Я откинулся на травку и провалился в крепчайший сон.

Проснулся в ужасе. Мне казалось, что я спал несколько часов, а все ушли. Но не тут-то было. Картина ничуть не изменилась: паломники, развесив кресты, четки и иконы на ближайших деревьях, спокойно общались. Не было никакой спешки или суеты.

Прекрасный отдых длился так долго, что я от него устал, – больше часа. И мне уже не терпелось продолжить движение. Наконец мы снова отправились вслед за медленной Ниной. Причем, когда колонна шла, никто не разговаривал. Общение во время движения не благословлялось. Губы паломников твердили молитвы, количество которых определялось четками в руках. Но очень скоро мы снова остановились на отдых. Так продолжалось несколько раз: недолгий путь – утомительный и бесконечный привал.

Про меня паломники не забывали: каждый раз подкармливали, да так, что мне уже было тяжело идти. Не от усталости, а от гостеприимства.

Во время привала я спрашивал спутников:

– Не слишком ли медленно вы идете, может быть, скорость могла быть быстрее?

– Мы идем с такой скоростью, – отвечали мне, – чтобы у крестоходца была возможность подумать о самых главных вопросах, которые касаются взаимоотношений Бога и человека.

И не поспоришь!

Ну, вот впереди большое село, где сегодня мы будем ночевать. Ведь крестный ход святой Нины – это не только люди, которые идут. Это и местные жители, которые приглашают паломников к себе, укладывают спать, а на следующее утро дают столько продуктов, сколько необходимо для целого дня пути.

Я пытаюсь пошутить по поводу грузинского гостеприимства, на что мне вежливо замечают, что в этом селе нет грузин.

– Как же так? Мы же в Грузии!

– В Грузии! Но в этой ее части – армянские поселения. Здесь живут только армяне! Но ничего страшного! Они ждут нас! Сейчас они разберут паломников по домам.

Вначале мы зашли в каменную церковь первых веков христианства. Она маленькая и внутри темная. Все паломники зашли внутрь, и там сразу стало тесно и горячо.

Затем, прямо у порога церкви, армянские дети спели грузинские песни, которые они специально выучили накануне, чтобы поприветствовать крестный ход.

А после концерта нас стали разбирать по домам. Произошло это как-то незаметно: вдруг улица опустела и все паломники уже шли в разных направлениях в сопровождении местных жителей.

Ко мне подошла седая статная армянка, что-то сказала по-своему, указав на меня и на студентку Нину.

Кто-то из крестоходцев успел перевести:

– Эта женщина может забрать двух человек. Вы идите за ней! Она вас накормит и у нее в доме вы будете спать. Правда, она не понимает ни по-грузински, ни по-русски.

Вот так дела! Нас забрали вместе с Ниной, но при этом никто из нас не понимает другого. Нина тоже не знала ни по-армянски, ни по-русски.

А я к языковому барьеру уже привык.

В доме, к счастью, было прохладно. Я уже изнемогал от горного грузинского солнца. И у меня появилось подозрение, что во время литургии на берегу озера я обгорел. Меня предупредили, что в горах это происходит молниеносно. У меня был с собой крем от загара, но он тоже остался в багажнике вместе с остальными вещами. Можно было надеть на голову бейсболку, но когда идет литургия, оставаться с покрытой головой невозможно. И в результате теперь мое лицо полыхало.

На пороге нас встретили полный, лысый, улыбчивый армянин, как я понял, муж женщины, пригласившей на ночлег, и худенький черноголовый мальчик – их сын. Меня и Нину тут же отвели в гостиную, посередине которой стоял огромный круглый стол, и усадили в мягкие кресла. Через несколько минут хозяйка принесла горячий кофе. Я его пил и понимал: кофе такой крепкий, что вторую ночь мне опять спать не придется.

Мы тут же взбодрились и начали общаться.

Сразу на трех языках.

Между тем хозяйка выставляла на круглый стол в центре гостиной вино, сыр, варенье, пироги, кастрюлю с чем-то горячим, которое так пахло, что хотелось как можно быстрее перейти от кофе ко всему остальному.

И наконец-то нас позвали на трапезу.

Нина прочитала молитву по-грузински, я – по-русски, хозяйка дома переглянулись и тоже прочитали «Отче наш» по-армянски.

А дальше произошло вот что: когда Нине стали наливать в тарелку то самое ароматное варенье, она отказалась. Принялась что-то объяснять, но я уже без всяких объяснений сам вспомнил, что сегодня среда, постный день, а значит, ни мяса, ни домашних сыров, ни свежего молока, ни супа на бульоне у добродушных хозяев мы не попробуем.

Помидорчик, огурчик, хлебушек и варенье с чаем – вот какой оказалась наша трапеза.

Жаль было до слез!

Через какое-то время хозяйка развела нас по комнатам. Мне досталась высокая металлическая старая пружинистая кровать с перинами из какой-то ушедшей жизни. Вот не думал я, что придется в Грузии спать на перинах!

Напрасно я боялся, что кофе не даст мне заснуть. Как только голова коснулась подушки, я провалился в глубокий сон.

Когда я открыл глаза, на улице было уже светло. Я жил вне времени, потому что часов не ношу, если надо посмотреть время – использую мобильный телефон. Но мобильного у меня с собой не было, и, который час, я не знал.

Я надеялся, что еще раннее утро и еще можно лежать сколько угодно.

Но какая-то неуютность в сердце подсказала мне, что это не так.

Я тихонько прошел в гостиную и увидел сидящих за пустым столом Нину, хозяйку, хозяйина и их сына. И в каждой фигуре читалось невероятное напряжение. Я посмотрел на часы.

Они показывали десять утра. М-да. Крестный ход должен был выйти из этого села в семь. Нормально я поспал.

Ну они тоже хороши! Не решились подойти ко мне и разбудить. Ждали, когда я проснусь сам. А как я проснусь? Хорошо, что я вообще встал, а не посчитал, будто сейчас, скажем, пять утра, и не перевернулся на другой бок.

Хозяйка предложила кофе. Я уж собрался утвердительно кивнуть, но взглянул на Нину и понял, что свой кофе я уже давно проспал. Когда мы выходили, сын хозяев дома вынес нам сумку с продуктами на весь наступивший день.

А потом мы с Ниной долго бежали. Надеялись догнать ушедших без нас крестоходцев. Я даже подумать не мог, что Нина окажется настолько резвой. Но бежали мы напрасно. Первый же перекресток ввел нас в замешательство: как в сказке, мы должны были выбрать одну из трех дорог.

Я чувствовал, что моя спутница сейчас заплачет.

А чего плакать? Надо было взять и разбудить вовремя.

И крестоходцы тоже хороши! Если бы их там десять тысяч было, могли бы уйти без нас. Но их всего-то двадцать! Трудно не заметить, что не хватает девушки, которая шла первой, и русского, который замыкал шествие! Мало ли что могло случиться! Нет! Взяли и ушли!

Мы продолжали общаться на двух разных языках, прекрасно понимая друг друга. Я говорил:

– Да не расстраивайся ты так! Куда они могли уйти за три часа? Вы же идете медленно! Уже через полчаса мы их увидим.

Нина показывала на дороги и по-грузински спрашивала:

– Ну и какой путь мы должны выбрать? Покажи мне, если ты такой умный!

– Может, я не такой умный, но если вы выбираете путь святой Нины, то должны идти так же, как шла она, то есть вдоль реки Курой. А это дорога слева.

– Хорошо, пойдем по дороге рядом с Курой! Надеюсь, что нам повезет!

Я тоже на это надеялся. Правда, я чувствовал себя гораздо спокойнее, чем вчера, ведь у меня был целый мешок с провиантом! И день сегодня не постный! Можем ни в чем себе не отказывать.

Через полчаса быстрого шага Нина показала мне, что идти больше не может и мы должны отдохнуть.

Я был только за! Тем более очень хотелось пить. Я спустился к Куре, чтобы сделать несколько глотков воды и умыться. Ведь с того момента, как я встал с армянских перин, у меня не было ни минуты времени на всякие утренние дела.

Когда я поднялся обратно к полянке, на которой оставил Нину, мне открылось колоритное зрелище: ее обступила бескрайняя отара овец. Овцы были разноцветными и, как мне показалось, всех существующих в природе пород. Все это стадо бляло. А Нина сжалась в комочек и спрятала лицо в колени.

– Ну что ты боишься? – попытался я ее успокоить. – Это же овцы! Они не могут причинить нам никакого вреда!

Но Нина только сжалась еще сильнее.

И тут я увидел страшную картину: наша сумка с продуктами, которая лежала чуть в стороне, погибла под копытами сотен овец. Они ее просто растоптали! А потом еще и зажевали своими равнодушными губами! Все наши сыры, помидоры, коробочку с тушеным мясом и овощами! Все, о чем я мечтал целое утро, – погибло!

Теперь уже я чуть не плакал.

Мне никто не поверит дома: находился в Грузии и ни разу не удалось ни поесть нормально, ни выпить! Утешало только, что я больше не чувствовал себя виноватым во всех наших неприятностях.

После того как отара прошла мимо нас, мы поднялись и обреченно поплелись по выбранной мной дороге. Радости в душе не было никакой. Нина в одной руке несла головной крест хода, а другой рукой перебирала четки. Я семенил рядом с ней. Семенил, потому что Нина перестала спешить и догонять остальных паломников и пошла с той же скоростью, которая меня так выводила из себя в первый день пути.

Если бы мы не были такими голодными, то смогли бы оценить окружавшие нас фантастические пейзажи. Все, что связано с Грузией, предстояло сейчас перед нами: горы головокружительной высоты, просторы, купающиеся в мириадах полевых цветов, холодная река, утешающая нас своей тихой песней, – все было поэтичным, сказочным, головокружительным.

Но есть хотелось все больше.

И, как назло, мы не встречали ни людей, ни населенных пунктов, ни придорожных кафе – ничего. Мы шли по первозданной Грузии, совсем не изменившейся с четвертого века, когда здесь проходила святая Нина. Вот только асфальтированных дорог тогда, конечно, не было.

Путешествие святой Нины по незнакомой горной стране само по себе является самоотверженным поступком. Но с каждым этапом ее пути связано столько невероятных чудес! По ее молитвам разрушались языческие идола гигантских размеров, стоявшие на вершинах гор, исцелялись люди, у бесплодных пар рождались долгожданные дети. И нам оставалось только молиться, чтобы святая помогла и нам тоже.

И она помогла.

Вдруг за одним из поворотов мы увидели крохотный домик с дымом, который шел из трубы. Наша скорость тут же увеличилась. Даже Нина смогла прибавить шаг.

Это была старинная хлебопекарня, в которой выпекали, как его называют в Грузии, «материнский хлеб». Для этого хлеба используют каменную круглую печь. Как правило, такие печи древние и передаются от родителей к детям. Печь стоит на земле. Ее раскаляют горячими углями, которые кладут в основании. Когда нагреваются стенки, к ним несколькими каплями воды приклеивают куски раскатанного теста – граммов по триста. Вода склеивает заготовки со стенками и не дает им отвалиться. И минут через восемь этот кусок теста превращается в готовый хлеб. Его снимают прямо со стенок и раскладывают на деревянных стеллажах.

В хлебопекарне работали две женщины. Мне показалось странным, что в этом безлюдном месте они трудятся как пчелки: все стеллажи были заставлены готовым хлебом. Именно заставлены, потому что каждая выпеченная лепешка была поставлена на ребро, как книги в библиотеке.

Когда они нас увидели, сразу заулыбались, замахали нам, приглашая подойти.

К счастью, они говорили по-грузински. Указывая на большой крест в руках Нины, стали ее спрашивать.

А Нина спрашивала их. Они говорили вместе и обе разводили руками, показывая, что ничего не знают. Как я понял, Нина спросила их, видели они крестный ход или нет. Оказалось, что не видели.

Нина достала из своего маленького рюкзачка кошелек, но тетki так отчаянно зажестиковали, что сразу стало понятно: для крестоходцев здесь льготы. Они дали нам штук восемь горячего материнского хлеба, головку домашнего сыра, насыпали в пакет огромных алых помидоров и вручили бутылку облепихового морса.

С заплетающимися ногами мы зашли за угол хлебопекарни, каждый на своем языке прочитал молитву и дрожащими от нетерпения руками разломали горячие лепешки.

И в целом мире в этот момент ни у кого не было трапезы вкуснее.

А потом Нина предложила искупаться. Там было такое уютное место у реки, где легко можно было зайти в воду. Причем здесь Кура делала поворот, и Нина могла окунуться в речке, не опасаясь, что я ее увижу.

Мне уже начало нравиться, что мы идем одни. С крестоходцами такие радости себе вряд ли позволишь. Впрочем, и от Нины я такого не ожидал.

Вода была ледяной, но нам была нужна встряска, чтобы немного освежить!

Обсохнув, совершенно счастливые, мы отправились дальше. И это было какое-то чудо: перед нами открылась бескрайняя долина, утопающая в цветущих маках.

Не сговариваясь, мы побежали по ней. Бежали по макам, как бегают дети, когда им очень хорошо. И мы разве только не взлетели над этим потрясающим местом.

Потом мы, очарованные странники грузинских дорог, упали в маки и долго-долго в них валялись.

А Нина запела. Она пела своим низковатым голосом какую-то протяжную песню, от которой теплая волна поднималась от души, разрушая любые темные перегородки на своем пути, и выплескивалась обильными слезами.

Но долго под палящим солнцем Грузии оставаться было нельзя. Мое лицо горело со вчерашнего дня. И я ощущал, как прямо сейчас добавляю новую порцию ожогов.

Мы поднялись и снова вышли на дорогу. Мы не знали, правильно или неправильно идем. Мы не знали, где остальные. Мы не знали, каким будет сегодняшний день и найдем ли ночлег. Просто положились на волю Господа и покровительство святой Нины.

Через пару часов мы снова встретили людей. Это были рыбаки. На большой решетке они запекали пойманную рыбу. Увидели нас и пригласили подойти. Нина рассказала им о том, кто мы такие и куда идем. Рассказала, что я из России. Это вызвало интерес, но пообщаться не удалось: рыбаки тоже не говорили по-русски.

Нина спросила их про крестный ход, но они пожали плечами. Предложили нам сесть, чтобы попробовать рыбу с запеченными овощами. Вот только хлеба у них не было. Но хлеб был у нас из той хлебопекарни. Я и Нина смогли съесть только по одной лепешке, и еще много оставалось. Как раз хватило на всех.

Рыба обжигала пальцы, но чешуя и кожа, похрустывая, легко отделились от белого мяса. Я думал, что у речной рыбы будет много костей, но нет. Только жир стекал по пальцам и капал на траву у ног. Один из рыбаков вытащил из Куры кувшин с вином. Стаканов на всех не хватало, поэтому мужчина наполнил белым домашним вином один стакан до краев и мы передавали его друг другу. От горного воздуха, радостной встречи с удивительными людьми, ароматов запеченной рыбы, перца и помидоров, ну и конечно же от вина голова чуть закружилась. По всей видимости, не только у меня, потому что глаза рыбаков заблестели, и они затянули дивную песню. Я думал, что Нина ее тоже подхватит, но она только восторженно смотрела на поющих мужчин. После первой песни они запели другую, потому третью. Стало понятно, что так мы можем провести здесь день до самого вечера. К сожалению, мы должны были с ними попрощаться.

Снова продолжилась дорога под раскаленным солнцем. По всей видимости, поблизости находился какой-то населенный пункт, потому что мимо нас все чаще стали проезжать машины. В конце концов мы вышли на большую дорогу с очень хорошим асфальтом.

«Надо же, – думал я, – какая современная автотрасса в такой глубинке!»

Внезапно небо потемнело. Я не ожидал, что это может произойти так быстро. Только что не было ни облачка, ни тучки. А теперь огромное грозовое облако нависло над нами. И вот уже оно забурчало, вот уже по нему побежали молнии. Ох и обрушится на нас сейчас грандиозный ливень! Впереди, в поле, мы увидели маленький покосившийся сарай. Нина показала, что нам нужно поторопиться. Мы побежали. И где-то на полпути на нас хлынули небесные потоки воды. Мы мчались к сарайчику по полю, а облако метало невероятно яркие молнии, которые врезались в землю вокруг нас. Было ошеломляюще страшно. Я боялся и одновременно наслаждался первозданной картиной необузданной стихии.

Промокшие до нитки, мы заскочили в спасительный сарайчик. Немного отдышались, улыбнулись друг другу и разошлись по разным углам постройки, чтобы выжать мокрые одежды.

Переодеваясь, я не удержался и оглянулся на Нину. И увидел, что она тоже взглянула на меня. И прямо чувствовалось, как молния из той грозовой тучи проскочила между нами. Мне надо было сделать всего несколько шагов к своей прекрасной спутнице.

Но как только я сделал первый шаг, услышал тревожные голоса людей за дверью. Еще кто-то бежал к нашему сарайчику в поиске спасения от грозы.

Дверь растворилась, и в помещение влетело множество людей.

И это были наши крестоходцы. Те, кого мы целый день пытались догнать. Они нагнали нас сами. И сделали это в такой подходящий момент.

Промокшие паломники меня и Нину конечно же признали, но сейчас им было не до нас. Чуть отдышавшись, они начали скидывать и выжимать свои одежды. Все происходило в молчании: ни шуток, ни комментариев. Видно, они серьезно намучились, спасаясь от грозы. Потом все приходили в себя, разместившись кто где: на полугнилых скамейках, на сене, копна которого возвышалась в сарае прямо посередине, на найденных на полу досках.

Я терпеливо ждал, когда смогу поговорить по-русски с теми, кто знал мой язык, и наконец-то выясню, по какой дороге они шли и как здесь оказались. Минут через десять-пятнадцать начались разговоры, и я смог задать накопившиеся вопросы:

– Что же вы нас не подождали? Мы проспали, но вы же знали, где мы остановились, могли бы проверить! Вдруг с нами что случилось!

– Но мы приходили к вам, а ваши хозяева сказали, что вы уже ушли!

– Мы ушли, но позже, чем договаривались с вами! На три часа позже!

– Ну ведь и мы вышли позже!

– А почему?

– У нас два человека вечером отравились, и мы все утро искали для них врача и возможность отвезти в больницу. Вы, когда уходили, прошли через главную площадь, где у нас был пункт сбора?

– Нет, мы сразу вышли из села! Мы думали, что вы отправились вовремя! И даже бежали, чтобы вас догнать!

– Вот поэтому мы разминулись.

– А что случилось с теми двумя, которые отравились?

– Не смогли отказать людям, которые разместили их на ночлег, и попили свежего молока!

День-то был постный! А утром у них как началось! И рвота, и понос! И температура!

Так вот что! Оказывается, мы с Ниной шли впереди колонны! И все это время, когда мы трапезничали, купались, резвились на маковом поле, пели песни с рыбаками, – колонна паломников была позади нас! И надо сказать честно, благодаря этому мы провели волшебный день.

Потихоньку ливень затих, и его сменила душистая прохлада, которая буквально гремела от звонких птичьих песен.

И вот воссоединение произошло. Мы снова в числе других крестоходцев идем к месту будущего ночлега. Нина снова возглавляет колонну, а я ее замыкаю. Но идти пришлось недолго. Каких-то сорок-пятьдесят минут – и мы оказались в большом селе, на входе в которое стояли огромные столбы с гнездами аистов. Грациозные птицы царственно возвышались то ли над кладками яиц, то ли уже над птенцами – нам снизу было не понять. И снова мы сразу же направились в грузинскую церковь. Она была побольше, чем в прошлый раз. Меня заинтересовал серебряный старинный поднос, весь усыпанный монетами.

– Что это за надпись? – спросил я у русскоговорящих.

– Если нуждаешься – возьми, если есть лишнее – положи, – перевели мне с грузинского.

– Какая мудрая традиция!

Но переночевать у меня не получилось: на сельскую площадь въехала машина Георгия. Он увидел в багажнике забытую мной сумку, понял, что я остался без вещей, и поспешил меня забрать.

– Как ты меня нашел?

– Всегда известно, в каких местах паломники ночуют, так что это не проблема!

– Жаль, потому что я уже влился в этот крестный ход и готов провести здесь еще несколько дней.

– Имей же совесть! Я проехал триста километров! И ты хочешь, чтобы вернулся в Тбилиси без тебя! Нам еще полночи ехать назад! А завтра на работу, так что собирайся!

– А что мне собирать... – начал было я отвечать и осекся: мне надо было попрощаться с Ниной.

Я увидел ее трогательную фигурку, стоящую у входа в храм. Переводчики нам снова были не нужны.

– Это был самый лучший день в моей жизни. Наверное, такой день не может повториться! Спасибо тебе, Нина!

– Я никогда не забуду того, что с нами сегодня произошло, – наверное, ответила мне она.

– Надеюсь, ты обязательно пройдешь весь крестный ход и через сорок два дня будешь в Мцхете.

– Спасибо, я буду молиться о тебе.

– Я тоже буду молиться за тебя.

И в этот момент, чтобы попрощаться со мной, нас окружили другие паломники. Одни говорили, другие переводили. Я тоже пожелал им пройти весь путь до конца, до Мцхеты, и чтобы не было никаких происшествий, а те, кто сегодня отравился, нашли силы через несколько дней снова соединиться с крестным ходом. Среди провожающих была женщина, которая шла в крестный ход, чтобы зачать ребенка. Она говорила по-грузински, а другие переводили:

– Хорошо вам добраться домой. Жаль, что вы уезжаете так быстро. Мы все будем скучать по вам. Хотите мы позвоним вам в конце или напишем где-нибудь в интернете, как все прошло, скажите ваше имя, чтоб мы вас там нашли.

– Саша! Александр Рябов! Спасибо! Вам поможет святая Нина!

Но чувство недосказанности меня не оставляло, и я подошел опять к Нине.

– Что ты будешь делать после Мцхеты? – спросил я, и ей перевели.

– Я разве тебе не сказала в первую ночь, когда мы сидели у костров?

– Нет! Я не помню такого разговора.

– Я никуда не уйду из Мцхеты.

– Почему, ты разве там живешь?

– Нет, но теперь я там буду жить.

– Но ведь ты учишься и работаешь в Тбилиси!

– Тебе неправильно перевели: я училась и работала в Тбилиси. Но теперь меня ждут в Мцхете, в женском монастыре.

– Как паломницу?

– Как послушницу.

И это был шок! Вот как! Оказывается, моя прекрасная спутница должна пройти эти сорок два дня и потом сразу уйти в монастырь!

И, возможно, святая Нина просто подарила ей чудесный сегодняшний день, чтобы у нее была возможность еще раз все обдумать, чтобы решение было окончательным.

И, судя по всему, она его приняла.

Ах, Нина, Нина! Удивительная, не похожая ни на одну из девушек, встреченных мной в жизни. Тонкая, трогательная, умная! Она решила посвятить свою жизнь Богу. И эти сорок два дня крестного хода – это ее путь в женскую обитель. Скорее всего, навсегда.

И я понимал, что был ее искушением и ее проверкой, которую она достойно прошла. Я вспомнил тот момент, когда между нами прогремела молния чувств. Но святая Нина всегда была поблизости, рядом с нами. Вот почему именно в этот момент нас нагнали остальные крестоходцы.

Мне уже сигнализировал из своей машины нетерпеливый Русик: пора ехать. Я пожал крестоходцам руки, а Нину поцеловал в щеку. И даже в вечерних сумерках было видно, как она зарделась и немного отпрянула.

Мне ничего не оставалось делать, как сесть в машину. Когда мы разворачивались, в дверцу постучали. Водитель притормозил, я открыл дверцу. Там стояла Нина. Она протянула мне четки:

– Я хочу сделать тебе подарок. Эти четки из Бодбийского монастыря, где похоронена святая Нина. Целую ночь четки лежали на ее мошах.

– Спасибо, Нина!

Все паломники махали мне руками. Это было так трогательно. А среди них мельком я увидел лицо старика, который был так похож на того деда на скамейке у московской часовни! И он тоже был с собакой. Но рассмотреть я его не успел.

По ночным грузинским дорогам мы возвращались назад. Я перебирал в руках четки, размышлял о Нине и ее выборе, о тех людях, которые отправились в этот крестный ход. Мне было трудно представить, что почти на полтора месяца, вот так, как они, можно отпустить

себя из современной жизни. Ведь у меня столько обязательств, связей, имен, дат, которыми, кажется, я не имею права пренебречь. А у этих людей разве все по-другому? Но приближается 1 июня, и что-то особенное происходит в их сердцах, чем нельзя пренебречь, что оказывается самым главным. Когда кажется, что все вокруг зависит только от того, пожертвуешь ли именно ты всего лишь сорока двумя днями. Ведь все, что происходит с этим миром, связано только с шагами, которые ты делаешь, и молитвами, которые ты творишь.

* * *

Когда я вернулся домой, в Москву, настало время снова пойти в тот самый московский храм, где я брал благословение у отца Иннокентия. Он просил четки из обители святой Нины – я их привез. Те четки, которые мне подарила моя спутница, я решил пожертвовать ему. Мне было тяжело хранить этот подарок. Размышления о судьбе Нины, о том, что у нас случилось, и о том, чего не произошло, ранили мое сердце. А четки мне бы все время об этом напоминали.

Но на литургии я его не увидел. Надеялся, что он выйдет позже, когда будет молебен.

И его снова не было.

Я пошел в свечную лавку спросить, где же батюшка.

Женщина в лавке грустно посмотрела на меня:

– Так вы ничего не знаете?

– Нет? А что случилось? Я был в отъезде.

– Умер батюшка Иннокентий. Умер три дня назад. Сейчас отпевание начнется. Вон видите в правом приделе – это его гроб.

Я был ошарашен! Как же так!

Не веря сказанному, я пошел в правый придел, увидел гроб. Несколько людей понуро стояли рядом. Пожилая женщина, наверное мать отца Иннокентия, плакала, пытаясь сдерживать в храме свои рыдания.

Я вернулся в свечную лавку:

– Не знаю, что делать! Батюшка перед отъездом попросил ему четки привезти. Я привез.

Из грузинского Бодбийского монастыря святой Нины, освященные на ее мощах.

– Да что вы? Когда это было?

– Неделю назад, в воскресенье!

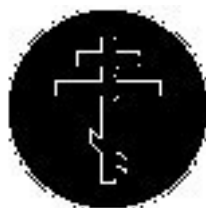
– В прошлое воскресенье – это была его последняя служба. У вас с собой эти четки?

– Да! Вот они!

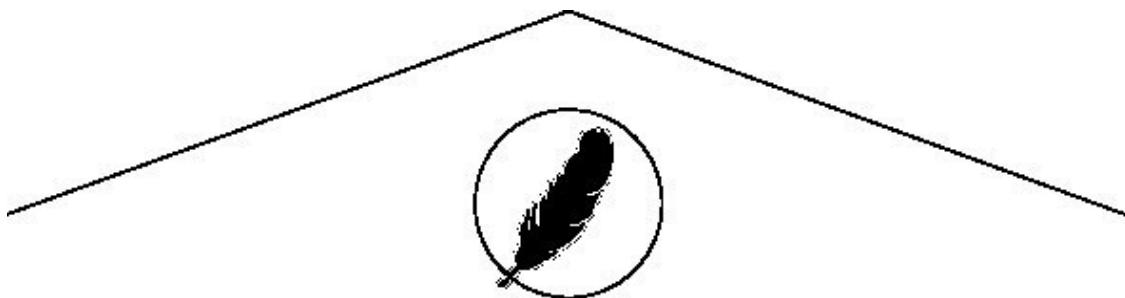
– Давайте!

Женщина с четками в руках отлучилась из лавки. Я видел, как она подошла к родственникам, что-то им сказала, они закивали головой и положили четки в гроб.

Возвращаясь домой, я по-прежнему пребывал в растерянности и в удивлении, как все промыслительно в нашей жизни. Мы многого происходящего не понимаем, а все имеет смысл, значение и последствия. Вот так мудро устроен мир.

Кризис жанра

Конечно, после такого путешествия и таких событий я должен был измениться и всю жизнь свою изменить. Но не тут-то было. Оказавшись без работы, без любимой девушки и любых обязательств, я загулял. Меня с радостью навещали старые друзья, на которых прежде из-за работы просто не было времени. Раньше мы все время созванивались, обещали друг другу: «Обязательно встретимся, посидим, выпьем за нашу дружбу». И не делали этого. А теперь я был в их распоряжении. Я сам их обзвонил. С упоением рассказывал, как съездил в Грузию, сокрушался, что по глупости потерял работу. И конечно, получал утешение, на которое и рассчитывал: что может быть милее застолья со старым другом, который поймет, выслушает, посоветует что-нибудь, думал я.

Звонок отца Фомы разбудил меня рано утром. Растерянно я невпопад отвечал на его приветствия и оглядывался вокруг. Я не понимал, где нахожусь. Какое-то чужое пространство, вокруг вповалку спали незнакомые люди. Что я делаю среди них? Я стал вспоминать, как старые друзья накануне вечером позвали меня в ресторан. Вечеринка очень быстро превратилась в бурное застолье. Потом к нам присоединились два солиста из цыганского театра. После мы все поехали к их друзьям... А где же я теперь?

Отец Фома что-то пытался сказать в трубку... Я только разобрал, что он находится в Петербурге. Накануне мы заранее договорились с моим старым другом Георгием, что он батюшку встретит и поможет ему в делах. Но Георгий на вокзале не появился и его телефон не отвечал. Потом связь с отцом Фомой совсем пропала.

Как он знает? Когда я оступаю на своем пути – сразу же звонит отец Фома. Как он это чувствует?

Почему так неустойчиво это место, где я проснулся? Как будто мы на воде! Так это же яхта! Как мы попали на яхту? Я вышел на улицу и понял, что вчера мы с цыганами вдобавок ко всему уехали в Подмосковье... Какой-то яхтенный клуб. Надо уходить. Что я здесь вообще делаю? Через лесок, по тропинке я вышел из этого места на большую дорогу. Денег не было. Телефон показывал, что батарейка села и он скоро отключится. Я шел по дороге, казалось, бесконечно. Набрал Георгия: с ним-то что случилось? Он ответил голосом не лучше моего:

– Да!

– До тебя батюшка не может дозвониться!

– А мне стыдно с ним говорить, я звонок сбрасываю! Как бы выбраться из этого состояния...

Мне не надо было его расспрашивать ни о чем. Мы живем в разных городах, но многое у нас происходит пугающе синхронно. И взлеты, и уходы в пике. Просто помолчали в трубку несколько секунд, чтобы осознать: в этот раз все опять произошло синхронно. К сожалению, Георгий заговорил первым:

– Ты что будешь делать?

– Давай уедем на несколько дней! У вас в Ленинградской области есть тихий монастырь преподобного Александра Свирского. Сегодня же бери билет до Лодейного поля и езжай туда. Я поеду к Свирскому из Москвы. У вокзала всегда стоят несколько машин, которые отвезут до монастыря. Прямо там, в обители, и встретимся!

В восемь вечера я уже был на вокзале.

Поезд приходил на мою станцию в пять утра.

Александр Свирский – это мой небесный покровитель. Очень сильный святой. И очень суровый. Когда большевики 5 января 1918 года захватили Карелию, первое, что они сделали, это направили своих гонцов в этот монастырь, чтобы разорить обитель и уничтожить раку с мощами всенародно почитаемого преподобного. Они были в обители уже на следующий день, 6 января. Вышло несколько постановлений о ликвидации мощей. Так и считалось до девяностых годов XX века, что мощи уничтожены, пока, благодаря случайности, не выяснилось, что, рискуя карьерой и свободой, их сохранили среди анатомических экспонатов Ленинградской военно-морской академии. Более того, мощи благоухали, мироточили. За пять столетий, прошедших после смерти преподобного, тело Александра Свирского сохранилось в неповрежденном виде.

А началось все у преподобного с той же обители, с которой все началось и у меня, – с Валаама. Сюда он пришел отроком, а ангел в облике паломника показывал ему путь. На Валааме, на святом острове, сохранилась его пещерка и даже вырытая при жизни могилка для постоянного напоминания о смерти. А потом Александр Свирский был призван Богом в карельские края, чтобы он создал там монастырь. У нас нет другого святого, который получил бы столько напутствий от Бога, Богородицы, ангелов. К преподобному, как к ветхозаветному Аврааму, явился Господь в образе Троицы. Там, где 500 лет назад стояла келья Александра Свирского, в которой преподобному вначале явился яркий свет, а затем Господь в виде трех ангелов, теперь стоит часовня. Эта маленькая часовня – место большого паломничества. Пять столетий монахи передавали друг другу, где ступала Троица, где Александр Свирский стоял на коленях перед тремя ангелами. По преданию, Господь дважды прикоснулся к нему, чтобы поднять его с колен, и велел устроить в этом месте Свято-Троицкий монастырь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.